

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Ради этого сокровища средневековых еретиков сотнями тысяч пытали и сжигали на кострах инквизиции. Но никто из них не выдал главную тайну – где же находится священный Грааль... Через много веков следы его местонахождения находят... в России, в провинциальном Белозерске...

Лариса КАПЕЛЛЕ

Священный Грааль отступников

Артефакт & Детектив

Лариса Капелле

Священный Грааль отступников

«ЭКСМО»

2015

Капелле Л.

Священный Грааль отступников / Л. Капелле — «Эксмо»,
2015 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-77801-0

По преданию, средневековые еретики, катары, владели бесценным сокровищем – собственным Граалем, за обладание которым вся Римская католическая церковь была готова пойти на многое. Папский шпион Клаас Эльке получил задание от кардинала Трэве – найти последнего оставшегося в живых Совершенного катара, Гийома Белибаста, и сдать его инквизиции. Однако оказалось, что на самом деле охота идет не столько за самим еретиком, сколько за священным сокровищем, хранителем которого он является. Белибаст был схвачен и после пыток предан огню, а сокровище бесследно исчезло вместе с Клаасом... Кася Кузнецова с другом Кириллом решили провести отпуск под Белозерском. Однако отдохнуть им не удалось: произошло несколько убийств и Кася, как обычно, не смогла остаться в стороне. В ходе расследования ей приходится посетить Париж, оказавшись в эпицентре многовековой религиозной войны за обладание священной реликвией!..

ISBN 978-5-699-77801-0

© Капелле Л., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Лариса Капелле

Священный Грааль отступников

© Капелле Л., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

Простая радость бытия

«Оно, Бело-озеро, довольно глубоко, имеет чистую воду и каменистое, по большей части глинистое дно. Сия глина, будучи бела и весьма мелка, переменяется во время погоды с озёрной водой, даёт ей белый цвет», – процитировала Кася вслух, наблюдая за рябью, пробегающей по поверхности воды, и за Кириллом, разжигающим утренний костер рядом с их палаткой.

– Это откуда? – поинтересовался Кирилл, отвлекшись на минуту от своей ответственной работы.

– Из «Повести временных лет» о призвании варягов, – ответила Кася, – и, согласно летописи, Белозерском, рядом с которым мы сейчас находимся, правил один из братьев Рюрика, Синеус.

– Куда их только не призывали, этих варягов, – вздохнул Кирилл, дунул изо всех сил на неуверенно замигавший огонек и расчихался от поднявшегося со вчерашней золы облачка пыли. Огонек тут же погас, а Кирилл смачно выругался, обнаружив солидный запас ненормативной лексики. Кася внутренне усмехнулась, но вслух сочувствующим голосом предложила:

– Хочешь, помогу?

– Нет, мы условились, что костер разжигать и готовить будем через день. Договор есть договор, – возразил он и с удвоенной энергией завозился вокруг костра.

На этот раз от улыбки она не удержалась.

– Смеешься, – мрачно констатировал Кирилл.

– Над чем я должна смеяться? – с невинным видом поинтересовалась она.

– Над моим глупым видом, – вздохнул тот.

– Ты обладаешь удивительным свойством видеть себя со стороны!

– Никакого особого таланта это не требует. Достаточно посмотреть на ехидное выражение твоего лица, – буркнул Кирилл.

– Сдаюсь, – подняла руки Кася и расхохоталась во все горло.

Но, увидев побледневшего от злости Кирилла, спохватилась и миролюбивым тоном продолжила:

– Нет, просто интересные мысли приходят мне в голову.

– Какие, например? – буркнул Кирилл, продолжая сражаться с никак не желающим разгораться пламенем.

– Ну, такие, что, глядя на тебя, я понимаю, почему женщин называют хранительницами очага.

– То есть?

– Ну, если доисторические мужчины отличались твоим терпением и твоим талантом в разжигании пламени, то гораздо более предусмотрительно было доверить эту задачу доисторическим женщинам!

Но на этот раз пламя, словно желая опровергнуть Касины самонадеянные выводы, разгорелось и начало радостно пожирать старательно сложенные сухие веточки.

– Ну что, хранительница очага! – победно взглянул на нее Кирилл, – забирай свои слова обратно.

– Забираю, забираю, – не стала нарываться на конфликт Кася и, поднимаясь, засобиралась.

– Ты куда?

– Пока вода кипит, схожу на хутор.

– Так рано?! – удивился он.

- Они рано встают, – откликнулась Кася, – а потом у нас молоко кончилось.
- Как знаешь...
- Тебя это напрягает?
- Нет, если хочешь молока, иди! – с непонятным раздражением ответил Кирилл.
- Знаю же, что напрягает, – констатировала Кася.

Она уже заметила, что Кирилл почему-то с самого начала с подозрением отнесся к хозяину хутора, Борису Стрельцову.

– Странный человек этот Стрельцов, – задумчиво проговорил Кирилл, – да и семья у них странная.

- Ничего особенного, семья как семья, – возразила Кася.
- Девочка живет с дедом, и больше никого.
- Время сейчас такое, каких только семей не встретишь, – пожалала плечами Кася.
- Все-таки я думаю, что не все просто с этим хутором, – повторил Кирилл.
- Твой же знакомый нам его посоветовал, – хмыкнула она.

Как и полагается всем путешественникам, всем самым необходимым они запаслись в самом начале, в Белозерске. Потом знакомый Кирилла, местный художник Игорь Суровцев, привез их на это место, находившееся на равном расстоянии от берега озера, обводного канала и устья реки Шексны. И Игорь же указал им хутор, говоря, что хозяина Бориса Стрельцова он знает, и у него они могут покупать молоко, овощи, рыбу и ягоды. Кася такому соседству обрадовалась. С самого начала идея полного одиночества в лесу, на берегу озера, не казалась ей слишком вдохновляющей. Позже она узнала, что хутором этот стоявший в стороне от деревни дом стал не по своей воле. Просто со временем примыкавшие к нему дома обезлюдели, и их разобрали: кто на дачи, кто на дрова, а окружающий лес восстановил свои права. Так и оказался стоявший на обочине деревни Глушково дом Стрельцовых хутором.

– Подозреваю, что Игорь хотел помочь им, а вовсе не нам, – продолжал гнуть свою линию Кирилл.

– Нам-то какая разница – у кого покупать! – возмутилась Кася, ей подозрительность Кирилла уже начала действовать на нервы. – Молоко у них вкусное, рыба – свежая...

– И Олеся тебе нравится, – тон в тон ей добавил Кирилл и улыбнулся, – ладно, выбирай сама.

Олесей звали внучку Бориса Стрельцова. И Кася с Олесей совершенно неожиданно, невзирая на разницу в возрасте, нашли общий язык.

– Да, нравится, – подтвердила Кася, – и меня радует, что мы можем им хоть так помочь, – и, подхватив рюкзак, отправилась на хутор.

* * *

Если бы Кася не так торопилась и оглянулась, она, может быть, и заметила бы, что за их перебранкой наблюдают. Неподвижная фигура стояла в стороне. Человек, полностью скрытый раскидистой елью, напряженно размышлял, рассматривая парочку влюбленных. Одна мысль возвращалась снова и снова, вызывая головную боль и заставляя морщиться: «Случайно ли их появление здесь или нет?» По правде сказать, нервы его стали все больше и больше сдавать. Последнее время ему стало казаться, что круг сжимался вокруг него неумолимо, как кольцо удава. Это ощущение было настолько реально, что он иногда почти кожей ощущал чешуйчатое тело беспощадного врага. А времени оставалось все меньше и меньше. Он был близок к цели, он был почти уверен в этом. И он не имел права на ошибку. «Этот мир только иллюзия, – повторял он про себя словно молитву, – и именно мне предназначено вырваться из него. И не важно, какую цену платить, ничто не важно! Все – только обман, неверный удаляющийся мираж!»

Человек осторожно двинулся за девушкой легким пружинистым шагом. Это было так легко, она абсолютно не догадывалась, что кто-то следит за ней. Городская, сразу чувствуется. Кто-либо другой, привычный к звукам леса, возможно бы, и услышал легкий треск сучьев, сухих иголок и прошлогодней травы под его ногами, но не эта курица. Почему он следовал за ней, он точно не знал. Одно только стучало в голове: «Случайно ли она здесь или не случайно?» Не нравился ему и ее дружок. Нет, парочка была все-таки странная, следовало за ними понаблюдать. Он уже подслушал их разговоры. Судя по всему, оба были людьми непростыми и информированными. И ему это не понравилось. Нет, все-таки глаз с них спускать не стоит. Тем более что-то внутри говорило: будь настороже! А свой внутренний голос он привык слушать. Интуиция его обманывала редко. Он продолжал следовать за приезжей. Он знал, куда она направляется, и это ему нравилось еще меньше. Подумав немного, он решил сократить дорогу. Идти по пятам ему уже немного надоело. Кроме того, стоило ли тратить столько сил? В этом он был уже не уверен.

Он углубился в чащу. Человек прекрасно знал этот лес. Сколько раз, втайне от всех, приходил сюда, особенно заботясь о том, чтобы никто не знал об этой его страсти. Нет, он не искал единства с природой, ему это было незачем. Просто именно здесь он чувствовал, наконец, полное и абсолютное одиночество. Ему было необходимо время, когда не нужно больше было играть, притворяться. Именно здесь он был наедине со своим Творцом и мог спокойно размышлять о миссии, посланной ему небом.

«Солнце померкнет и свет перестанет быть светом. Упадут звезды и содрогнется земля, разольется море и задрожит небо. Тогда появится знак Сына Человеческого, и откроется четвертая дверь... И тогда Сын Человеческий пошлет своих ангелов и четыре ветра, что дуют с вершины небесной до самых земных пределов, отыскать и собрать избранных... носящих в себе частицу неба...» И он был Избранным.

* * *

Кася продолжала идти знакомой тропинкой и вспоминала свою первую встречу с Олесей. По проселочной, заросшей невысокой, ярко-зеленой травой дороге Игорь подвез их к большому деревянному дому, который, по всей видимости, совсем недавно был перестроен. Забора вокруг дома не было, да он и не был нужен: с одной стороны изгородь заменяли заросли ольшаника, а с другой – высокие кусты малины. Несколько странный вид дому придавала огромная застекленная терраса. Увидеть подобную пристройку к традиционной русской избе было несколько неожиданно. Рядом с кустами малины лежала в траве собака. Но на приезд гостей животное отреагировало только коротким лаем. Игоря она, судя по всему, знала и просто считала своим долгом предупредить хозяев о визите. В доме они застали только девочку лет одиннадцати-двенадцати. Круглое лицо со вздернутым носиком с еле заметными конопушками, пытливыми светло-голубыми глазами и по-детски пухлыми губами было удивительно симпатичным. Девочка деловито расставляла по местам, видимо, только что вымытую и высушенную посуду.

– Привет, Олеся, а дед дома? – спросил маленькую хозяйку Игорь.

– Нет, деда нет.

– Ну, тогда ты не против, если мы его подождем?

– Нет, не против, заходите, – кивнула головой девочка, – но я уже и сама все для вас приготовила.

С этими словами хозяйка вытащила из холодильника небольшой туюсок, из которого торчало горлышко пластмассовой бутылки.

– Вот, молоко, утреннее. Потом я вам яиц собрала. Дед свежей рыбы наловил. И еще черники, хотите? – обратилась она на этот раз к Касе с Кириллом.

- Хотим, – кивнула головой Кася и улыбнулась.
- Пойдемте во двор, я вам насыплю.

В центре двора под старой раскидистой березой стоял большой стол, на котором лежала ровная горка черники. На лавке рядом развалился огромный, дымчато-серый кот. Недалеко на небольшой полянке паслась коза. Давешняя собака лежала на том же месте и внимательно наблюдала за гостями.

- А собаку как зовут? – поинтересовалась Кася, оглядываясь вокруг.
- Стелька, – коротко ответила девочка, деловито перебирая чернику.
- Стелька? – удивилась Кася и рассмеялась, – откуда такое имя?

– Понаблюдайте, сами увидите, – совсем по-взрослому пожала плечами Олеся, – другого имени ей не придумать. Стелька, сюда, – позвала она, и собака ринулась на хозяйкин зов. Коротконогая, с тяжелой челюстью и длинным телом, перемещалась она удивительно ловко. Но она не бежала, а словно стелилась по земле. Действительно, лучшей клички не придумать! Хотя вид... бери и на цепь сажай двор караулить – барбос барбосом.

– Она у нас умница, хоть с дедом охотиться, хоть дом охранять, все исполнит, – погладила собаку Олеся.

- Ну, а козу с котом как кличут? – продолжила Кася разговор.
- Козу – Маргарита Степановна, а кота – Обормот, – ответила Олеся.
- Обормот?

– Да, кот Обормот, а как еще его назовешь, – вновь пожала плечами девочка, словно удивляясь Касиной непонятливости, – а вы попробуйте, на минутку от тuesка своего отвернитесь и увидите.

Кася присмотрелась к коту. Милое животное с совершенно невинной миной нежилось на солнышке. Впрочем, расслабленным оно было так, для отвода глаз. Уши были настороже, и зеленые глаза внимательно наблюдали за всем окружающим. Вид кота был настолько ложно-невинным и морда была настолько плутоватая, что было ясно: доверять такому пройдохе было себе дороже. Настоящий обормот! Так и жили в этом гостеприимном доме собака Стелька, коза Маргарита Степановна и кот Обормот.

С Борисом Стрельцовым они познакомились попозже. Несколько угрюмый и немногословный мужик лет шестидесяти сам пришел к их палатке. Коротко представился, принес сухих дров и треножник с котелком для костра. Был он невысок, кряжист, с мрачным лицом, взгляд небольших серых глаз был прямым и даже несколько вызывающим. К числу симпатичных людей Борис Стрельцов точно не относился. В этом не признать правоту Кирилла Кася не могла. Но, с другой стороны, никто быть приятным во всех отношениях от Стрельцова и не требовал.

Кася отправилась по тропинке, ведущей к проселочной дороге. Выйдя на дорогу, повернула налево. До хутора оставалось каких-нибудь двести метров. Нужно сказать, что такая близость человеческого жилья радовала Касю. Ей совершенно не улыбалось оказаться в безлюдной местности. Она вспомнила, как сначала не хотела отправляться в предложенное Кириллом путешествие. Они уже давно договорились провести время вместе, но Кася представляла себе это несколько иначе. В конце концов, до этого история их отношений, которые они так и не решались назвать любовью, знала только короткие, двух-трехдневные путешествия. И в первый раз они могли не разгадывать очередные тайны, а просто провести время вместе. Она уже запаслась ключами от загородного дома своего названного отца Джорджа в Севеннах на юге Франции. Место уединенное, большой бассейн, а если надоест – море в семидесяти километрах, горы. Поэтому предложение Кирилла застало ее врасплох. Направление, предложенное Кириллом, совершенно не напоминало красочное предложение из рекламного буклета: Вологодская область, Белое озеро.

– Ты же хотела, чтобы мы были совершенно одни, сама вспомнила про Робинзона Крузо, а сейчас расстраиваешься?

– Ты не учел, что я себе представляла подобное уединение где-нибудь в загородном доме, в Севеннах, например, – с надеждой уточнила она.

– То есть с горячей водой, туалетом и ванной. Ничего себя робинзонада! А мне хочется чего-нибудь настоящего.

– Единства с природой, – констатировала Кася.

– А почему бы и нет? Ты знаешь, я когда-то отдыхал в этих местах с товарищами и тогда еще подумал, что если встречу когда-нибудь необыкновенную девушку, то обязательно привезу ее сюда!

Против необыкновенной девушки Кася устоять, конечно, не смогла. Этим и объяснялось ее сегодняшнее положение. Жизнь в палатке, утренний и вечерний туалет в озере, благо погода стояла изумительная, для этих краев теплая, и температура воды поднялась аж до двадцати с лишним градусов. Даже настойчивое жужжание комаров не мешало наслаждаться отдыхом. Она уже и забыла, когда в последний раз видела настоящий рассвет. Теперь же они специально вставали пораньше, чтобы с почти первобытным восхищением наблюдать, как, неторопливо разрывая утренний туман, выкатывается из-за горизонта солнце, покрывая сначала багровыми, а потом золотистыми отблесками гладкую поверхность воды. И медленно выступают из темноты мягкие зеленые холмы с перелесками, сменяющиеся почти непроходимыми лесными чащами, с удивительно изумрудной, словно шелковой травой на берегах радостно журчавших рек и ручейков. Кася сама и не заметила, как эта застенчивая и негромкая красота Русского севера надежно устроилась в одном из заветных уголков ее сердца.

Она продолжала идти, наслаждаясь свежим утренним воздухом и слушая радостный щебет птиц.

– Кася! – окликнули ее издалека.

Она удивилась и обернулась. Нечасто встретишь кого-нибудь на проселочной дороге. Навстречу ей спешил Сергей Волынский, руководитель расположившейся неподалеку археологической экспедиции из столичной Академии наук. Соседство с этой самой экспедицией изрядно разозлило Кирилла. Он даже предложил было Касе перебраться куда-нибудь подальше. Но сниматься с насиженного за несколько дней места той совершенно не хотелось. Тем более экспедиция находилась в двух километрах и никоим образом, на Касин взгляд, их уединению не мешала. Ей было даже интересно поговорить с такими неординарными собеседниками. И, похоже, Касин интерес к археологам понравился Кириллу еще меньше.

– Мы должны были провести это время только вдвоем! – обижался он, – я же попросил Игоря найти уединенное место!

– Он и нашел, на тысячи метров вокруг – ни души.

– Зато в километре целая свора изголодавшихся по общению мужиков!

– В двух километрах, – поправила его Кася и резонно возразила, – они же с нами не ночуют.

– Еще чего не хватало!

Но Касе нравилась ревность Кирилла. Она проливали бальзам на ее комплекс собственной неполноценности. Светловолосый, голубоглазый, атлетически сложенный Кирилл, на ее взгляд, был слишком красив. Недаром женщины на улице оборачивались. Она же фотомодельной внешностью и близко не отличалась, просто симпатичная, высокая и никакого особенного внимания к себе не привлекающая. Поэтому присутствие археологов ей было интересно, а внимание – льстило. А на резонные замечания Кирилла, что же могло привлечь таких маститых специалистов в Белозерск, отвечала: «Древность города и богатая история».

– Древность города? Или нечто другое? – вслух раздумывал Кирилл.

Но Кася на его подозрительность внимания не обращала. Действительно, Белозерск был одним из самых древних городов России. Шутка ли сказать, на триста лет старше Москвы и ненамного моложе Киева! Правда, в последнее время город значительно омолодили на сотню лет, сославшись на то, что Нестор в «Повести временных лет» опростоволосился и выдал желаемое за действительное. Мол, никакой Синеус, брат Рюрика, городом не правил и самого города на этом месте не было. К тому же старое место расположения города благополучно затопили после превращения речки Шексны в водохранилище, и сторонники омоложения города получили все карты в руки. Тем временем про Белозерск вспомнил воссозданный Ганзейский союз. Все-таки в средние века город был не только центром независимого княжества, но и имел важное стратегическое положение на водном пути «из варяг в греки». Поэтому и располагался в городе крупный торговый двор для купцов Ганзы. Их потомки не только заново включили Белозерск в Ганзейский союз, но и спонсировали международную экспедицию для поисков старого Белозерска. Местные энтузиасты идею экспедиции восприняли с некоторым подозрением. С одной стороны, археологи могли восстановить справедливость и вернуть городу утраченные «годы». Но с другой стороны, могли, наоборот, подтвердить позорный вердикт о 1050-летию города.

Научный люд судил да рядил, а Касю все это интересовало постольку-поскольку. Городок ей понравился, такой тихий и неторопливый ритм жизни мало где встретишь. Дома почти сплошь деревянные, каменными были только церкви, торговые ряды XIX века, несколько особняков в центре да монолитных коробок на окраинах. Но все это придавало городу особый колорит патриархальности, словно шумная и суетная цивилизация остановилась где-то рядом с Белозерском, а в город ее не пустили. И разницы в том: 1050 лет городу или 1150 – никакой Кася не видела.

Впрочем, экспедиция занималась вовсе не определением возраста Белозерска, а просто искала исчезнувший после страшной эпидемии чумы старый город. Самым маститым специалистом экспедиции был, судя по всему, канадец Кристофер Ланг. Он был единственным обитателем лагеря археологов, вызвавшим симпатию Кирилла. У Каси же канадец, наоборот, вызвал ощущение непонятого раздражения. Почему? Внятно ответить она не могла. Смутил ли ее ореол мировой известности археолога? Вряд ли. Касина мама, Екатерина Дмитриевна, в таком случае точно бы развила теорию о том, что археолог Ланг фактом своей реализованности задел старательно запрятанный комплекс дочкиной неполноценности. Так как Кася кроме написания диссертаций на заказ никоим образом свой научный потенциал не раскрыла, а, наоборот, всячески удалялась от цели собственной жизни. Но мамины размышления Кася в расчет не принимала. Она привыкла к тому простому факту, что моменты согласия с собственной родительницей были исключительно редки. Что, впрочем, не мешало матери и дочери быть очень близкими и родными людьми.

Скорее всего, Кристофер Ланг ей просто не понравился, бывает и такое. Уже внешность археолога была достаточно неординарной. Четкие черты лица с умным взглядом зелено-карих глаз, крупным носом и широким ртом, были выразительными и притягивали взгляд. Это живое экспрессивное лицо было по-своему привлекательным, хотя чего-то не хватало. Чувствовалась в нем какая-то невысказанность, сложность и, самое главное, холодность. Впрочем, если учитывать мировую известность археолога, заурядным человеком он явно не был. В отличие от Кристофера Ланга, руководитель экспедиции Сергей Волынский сразу же вызвал у Каси чувство симпатии. Среднего роста, с покрытым густой россыпью веснушек лицом, голубыми глазами, густой копной светло-рыжих волос и мелодичным голосом трубадура он сразу располагал к себе.

Тем временем Волынский приблизился, широко улыбнулся и произнес:

– Привет! Замечательный денек выдался! Куда идешь?

– К Стрельцовым, а ты?

– К Степану Переверзеву, так что нам почти по пути. Если ты не против? – спохватился Волинский.

– Нет, совершенно не против, вместе идти веселее.

– Воспринимаю это как комплимент! – подмигнул Волинский. – Кстати, хотел вас с Кириллом пригласить сегодня в лагерь, на ужин. Крис обещает приготовить какое-то канадское фирменное блюдо. Он все ингредиенты привез и обещает нас побаловать.

– Не знаю, – благоразумно ответила Кася, вспомнив их утреннюю стычку с Кириллом, – я поговорю с ним, но ничего обещать не могу.

Она действительно была не уверена, нужно ли подливать масла в огонь Кирилловой ревности.

– А-а, – понимающе улыбнулся Волинский, – кто-то явно нас недолюбливает! Догадываюсь кто, но ш-ш-ш... – Он шутливо приложил палец в губам и так же легко и весело продолжил: – Но я его понимаю. Таким сокровищем не делятся!

Кася промолчала, хотя слово «сокровище» в отношении себя любимой ей очень даже понравилось. Хорошо бы, Кирилл услышал! Потом сама же себя одернула, на сегодня конфликтов было достаточно. Они не так уж часто могли бывать с Кириллом вместе, чтобы она могла с легкостью разбрасываться моментами редкой близости. Пусть случайная встреча с археологами останется только случайной.

Тем временем Волинский так же легко и весело продолжил:

– Ну ничего, как-нибудь в следующий раз. Крис, правда, расстроится.

– Крис?! – удивилась Кася и чистосердечно призналась: – А мне показалось, что он никакой симпатии к нам не испытывает.

– Почему ты так думаешь? – искренне изумился Волинский.

– Сужу по его реакциям... – пожалала она плечами.

– Реакции могут обмануть, – философски заметил Волинский. – Крису ваше общество нравится, иначе он бы не стал стараться. Он не слишком открытый человек, – деликатно выразился Волинский.

– Это я уже заметила, – улыбнулась Кася, и, решив перевести разговор на другую тему, спросила. – А ты давно знаком со Степаном Переверзевым?

– Нет, не очень. Мы познакомились незадолго до поездки, когда я приезжал на разведку местности. Ганзейский союз выделил определенную сумму на археологические изыскания, но дал нам все карты в руки относительно места и темы исследований.

– Значит, это ты выбрал Белозерск? – удивилась Кася.

– И я, и Крис, мы уже не первый раз сотрудничаем. Вели раскопки в Новгороде, теперь решили остановиться на Белозерске.

– Почему?

– Что – почему?

– Почему Белозерск? – задала она в свою очередь вопрос, на который с такой легкостью ответила Кириллу утром.

– Очень интересный город и необычная история, – просто ответил Волинский. – Не хочешь со мной к Переверзеву завернуть? Он тебе такое про Белозерск расскажет, заслушаешься!

– Я уже слушала... – хотела она добавить «его рассказы», но вовремя остановилась. Не желая обидеть увлекающегося археолога.

– А ты уже знакома со Степаном?

– Видела пару раз, – пожалала она плечами.

– Колоритная личность, не правда ли?!

– Специфическая, – подтвердила Кася, предпочитая больше на данную деликатную тему не распространяться.

Они подошли к развилке, и Волынский на прощание попытался еще раз:

– Может, все-таки подумаете и придете сегодня вечером?

– Попробую, но повторяю: ничего не гарантирую.

– Поговори с Кириллом, может, он сменит гнев на милость. В любом случае, мы вас будем ждать, а если не придете, не обидимся. О'кей?

– Хорошо, я попробую, – пообещала Кася...

* * *

По возвращении к палатке Кася рассказала о приглашении Кириллу. Тот, к ее удивлению, согласился. Поразмыслив немного, нашла причину такой уступчивости. Она заключалась в том простом факте, что сегодня очередь готовить была за Кириллом. Вот он и обрадовался: хоть и не любил археологов, но готовить не любил еще больше. Однако выяснилось, что Кирилла привлекла вовсе не возможность увильнуть от занудного занятия.

– Там наверняка их местный дружок ошиваться будет, развлечемся. Опять какую-нибудь байку расскажет, – с надеждой произнес он.

– Ты имеешь в виду Переверзева?

– Его, дорогого, кого же еще!

– С чего это он для тебя стал дорогим? – поразилась Кася.

– А с того, что, может быть, теперь главный приз за самую абсурдную теорию мирового заговора выиграю я! – с торжеством заявил Кирилл.

Кася вспомнила, что раз в год студенческие друзья Кирилла собирались и устраивали нечто вроде конкурса на самую дурацкую теорию мирового заговора. Он рассказывал ей, что на прошлом вечере победителем стал его друг Максим, работавший в крупном цюрихском банке. В одном из баров ему тайком удалось заснять, как просветленный парой кружек пива коллега из соседней страховой компании вдохновенно с помощью математической эквилибристики приводил слова Давос, Уолл-стрит, Цюрих, франк-масоны и т. д. к цифре 666, научно подтверждая библейскую истину, что миром финансов правит сатана. Кириллу же на теоретиков мировых заговоров хронически не везло, и вот с Переверзевым он надеялся, наконец, взять реванш.

К Степану Переверзеву, дальнему соседу Стрельцовых, Кася, конечно, особой симпатии не испытывала. Но с точки зрения самой идиотской теории мирового заговора он был просто кладезем информации. Называл себя Степан гордо краеведом и защитником белозерской истории. Но на Касин взгляд, особенной глубиной исторических познаний не блистал, а, скорее всего, был обыкновенным проходимцем, успешно использующим доверчивость ученого люда. Иначе как объяснить, что высосанные из пальца и притянутые за уши теории Переверзева находили отклик? Его послушать, так Белозерск был почти центром мировой цивилизации, родиной древних ариев, которые и основали город. Что на самом деле город гораздо древнее и просто удачно скрывает свой настоящий возраст, дабы не привлекать нечестивые души черных магов, способных использовать уникальную энергетику города в своих неблагоприятных целях. При этом Степан нагло жонглировал эпохами, помещая в основатели города то Моисея, то Будду, совершенно беззастенчиво выливая на головы доверчивых слушателей сборную солянку, в которой мирно уживались библейские пророки, египетские фараоны, персидские цари, вавилонские деспоты, халдейские маги и античные философы.

Но и этого Переверзеву было мало. Плюс ко всей этой галиматье краевед вполне серьезно называл себя волхвом Святогором и при каждом удобном случае нудно распространялся о возрождении подлинной славянской веры. Правда, на былинного героя Степан-Святогор даже отдаленно похож не был. Если уж и смахивал на мифологическое существо, то скорее на тролля: коренастый, коротконогий, с круглой головой и бычьей шеей, с низким лбом,

кустистыми бровями, нависающими над глубоко сидящими маленькими черными глазками. А троллю Касе симпатизировать было трудно.

Вечером это мифологическое существо сидело напротив Каси и нагло буравило девушку своими черными глазками:

– Вот вы все с сомнением ко всему, что я рассказываю, относитесь? – обижался тролль-краевед. – Думаете, только в столицах знающие люди существуют? И забываете при этом, что народная память и мудрость сильнее и глубже книжной! И не в библиотеках она на полках пылится, а из самой земли бьет неиссякаемым источником, зиждется на незыблемых устоях старины глубокой. . . – с легким завыванием продолжал Степан. По всей видимости, на данный момент самому себе он напоминал былинного сказителя.

От всего этого у Каси буквально свело челюсти. Она поняла, что больше не выдержит и расхохочется в лицо волхву-троллю Святогору, торопливо встала и отошла, оставив Кирилла и нескольких изрядно подвыпивших археологов слушать белиберду. Тем более что Степан медленно, но верно подбирался к одной из своих самых излюбленных тем: заговору Запада против России. Кирилл надеялся, что на этот раз Переверзев выдаст нечто более оригинальное и собственной глупостью, наконец, обеспечит Кириллу победу в ежегодном поединке.

Волынский, помогавший Крису в подготовке ужина, заметил отошедшую от костра Касю и поспешил к ней.

– Скучаешь?

– Не совсем, – честно ответила Кася, – просто не хочу портить удовольствие другим.

– Удовольствие. . . – с пониманием усмехнулся Волынский. – Понимаю! Степа у нас нечто вроде эксперта, хотя ты, судя по всему, особого уважения к нему не испытываешь.

– Не испытываю, – хмыкнула Кася, вложив в ответ максимум иронии, на который была способна. – А ты, получается, испытываешь? Любовью к этому краеведу-губителю пылаешь!

– Краеведу-губителю, скажешь тоже! А Степе, вообще-то, подходит, – расхохотался Волынский, да так весело и громко, как умеют смеяться только добродушные люди. Кася не выдержала и улыбнулась в ответ, ее желчное настроение как рукой сняло.

– Ну, до этого я еще не докатился! Хотя, кто его знает, он же у нас колдун, может и приворожить! – И пояснил: – Смеюсь, потому что вспомнил, как он нам свое волхвование показывал – его бы на телевидение! Каждый юмористический канал по нашему Святогору горькими слезами плачет. . .

Кася растерялась:

– А мне показалось, что вы все его бред сивой кобылы всерьез воспринимаете!

– Если честно, то Степан – человек с завихрениями, большая часть его открытий гроша ломаного не стоит, но некоторые выводы по-настоящему интересны. Кроме того, лучше его окрестности Белозерска никто не знает, а именно это нам, по большому счету, и нужно.

– Для поисков городища?

– Не только и не столько. Степан и сам себе не представляет, чем обладает. Если бы знал, то бросил бы всю эту чушь. . . – туманно ответил Волынский и тут же, словно спохватившись, добавил: – Конечно, для поисков городища, а для чего же еще?!

Касе это показалось немного странным, но задумываться она не стала, тем более что обещанный ужин был, наконец, готов. Крис оказался настоящим чудесником. Телятина, залитая удивительно ароматным соусом, и молодая картошка, приправленная разными травами, просто таяли во рту. За ними последовал какой-то особый, приправленный ромом и покрытый взбитыми сливками, торт. Кася только удивлялась, каким образом Крис ухитрился приготовить это в походных условиях. Она уплетала все за обе щеки и уже не обращала особого внимания на очередную белиберду, которую нес изрядно опьяневший волхв Святогор. Было видно, что он уже изрядно действовал на нервы всем членам экспедиции, особенно Кристоферу, затеявшему этот ужин. Бедный канадец наверняка надеялся поговорить с Кириллом и Касей. Они

и Волынский были единственными в компании, с кем он мог нормально общаться по-английски. Русский археолог понимал плохо, а Святогора было решительно не заткнуть.

– Спасибо за чудесный ужин, Крис! – обратилась Кася к Крису.

– На самом деле замечательно! – спохватился Кирилл.

Крис расцвел и стал рассказывать подробности приготовления сегодняшнего ужина. Похоже, к кулинарному искусству он относился с не меньшим интересом, чем к своей науке. Потом разговор плавно перетек к раскопкам. По словам Криса, в своих поисках они почти не продвинулись, и он совершенно не понимал, в чем смысл этой экспедиции. По всей видимости, он чувствовал, что попал в ловушку. Волынский пригласил его, пообещав очень интересный материал. Но пока, на его взгляд, никакого, даже самого вшивенького открытия не наблюдалось. Слушая Криса, Кася задала себе вопрос: на самом ли деле инициатором этого вечера был канадец? Скорее всего, идея принадлежала Волынскому. Он, видя, что мировая знаменитость откровенно мается от скуки, решил развлечь Ланга, вот и пригласил Касю с Кириллом.

– Что, ваш канадец не желает меня слушать? Да хрен с ним, пусть не слушает, да только хочу я вам сказать, что не случайно он в Белозерск прибыл! – раздался тем временем торжествующий голос Переверзева. – Это для отвода глаз Ганзейский союз поиск старого города спонсирует...

Кирилл встрепенулся и поспешил к костру, торопливо настраивая свой мобильник на ночную съемку. Похоже, наконец-то, тролль-краевед дозрел до теории мирового заговора.

– Это вам кажется, что немцев очень история их торговых домов интересуется. Да плевали они на историю эту с высокой башни! – многозначительно произнес волхв-самоучка. – На самом деле ищут они, как лишить Россию мирового открытия.

– Неужели? Это очень интересно! – произнес Кирилл, подбадривая Святогора.

Тот, выдержав для пушного эффекта длинную паузу, начал:

– Чтобы удержать свое центральное место в мире, Запад ни перед чем не остановится. Только и слышно: западная цивилизация то, западная цивилизация это. То права человека, то либерализм, то капитализм, всех пытались и пытаются к ногтю прижать, но не тут-то было! Россия, наконец, голову поднимает и свою истинную культуру защищать начинает, ибо корни и сердце всей мировой цивилизации находятся именно в наших землях. А то скандинавов к истокам нашего государства приписать пытаются! А ведь все совсем наоборот! Вот носятся они, как дурень с писаной торбой, с рыцарями Круглого стола короля Артура.

Этого Кася никак не ожидала. А у Кирилла глаза даже засветились в темноте от удовольствия.

– А на самом-то деле Персеваля знаете как звали?

Аудитория молчала.

– Переслав, и был он русским богатырем, родом с Белого Озера...

Кася согнулась пополам от разрывавшего ее дикого смеха и отползла от костра. Краевед-губитель на этот раз превзошел самого себя! Факт для Переверзева был что дышло, куда повернул, туда и вышло. Но мешать Кириллу записывать свое драгоценное видео она не могла. Поэтому оставила Переверзева спокойно переверять все романы рыцарского цикла, а бедного Персеваля крутиться со скоростью света в его легендарной гробнице.

– И Ганзейский союз отправил вас вовсе не открыть правду, а сокрыть от мира эту истину... Ибо главное сокровище всего христианского мира спрятано в этих землях. И могу вам всем сказать, что ваше появление здесь пробудит силы этой святыни, да только к добру ли они будут обращены или к злу – это покажет время. – Тролль Святогор тем временем напыщенно завершил свою тираду и икнул.

– Все, хватит, Степан! – неожиданно прервал его Волынский. – Тебе пора.

– Куда это мне пора? – возмутился Степан, сделал попытку подняться и тут же, закачавшись, шлепнулся на землю.

– Вот видишь, – успокоительно произнес Волынский, – придется тебя домой тащить...

– Я не пьян! – попытался возразить Переверзев.

– Трезв как стеклышко, – тихонечко произнесла Кася и переглянулась с Кириллом.

Тот, сияющий словно полная луна, сердечно попрощался со всеми участниками вечера. Драгоценное видео с Переверзевым для будущего конкурса на роль главного дебила надежно покоилось в тщательно застегнутом кармане ветровки.

– Антон, Валера, – обратился Волынский к двум самым молодым участникам экспедиции, – займитесь Степаном. Отведите его домой.

Ребята вскочили и, весело подхватив слегка упирающегося Переверзева, поволокли его по направлению к дому.

Кася подошла к Волынскому:

– Сегодня, похоже, Святогор и тебя довел до белого каления, – не без ехидства произнесла она.

– Степан слегка перебрал, – нехотя ответил Сергей.

– Кстати, жалко, что ты не дал ему закончить, мы так и не услышали главного...

Волынский как-то странно напрягся и внимательно посмотрел на Касю:

– Что ты имеешь в виду?

– Где спрятано загадочное сокровище! – загадочным тоном произнесла Кася.

– Только не говори, что вдруг стала обращать внимание на его, как ты только что выражалась, бред сивой кобылы, – с несколько натужной легкостью ответил Волынский.

– Не бойся, – улыбнулась Кася, – но, согласишься, сегодня твой волхв превзошел самого себя!

Вместо ответа Волынский только развел руками – мол, ничего тут не поделаешь.

– Кстати, подожди, Кася, я хотел бы вас предупредить, – неожиданно перевел он разговор.

– Предупредить?! О чем!

– Просто, как друг, хочу сказать: будь поосторожнее со Стрельцовыми!

– Почему я должна быть с ними поосторожнее? – растерянно пробормотала Кася.

– Они вовсе не те, кем кажутся.

– Кем могут казаться одиннадцатилетняя девочка и ее дед?!

– Олесю я не трогаю. Она – удивительный ребенок! И так похожа на мать! – Голос Волынского дрогнул: – Ты, думаю, историю этой семьи знаешь?

– Нет.

– Так, значит, тебе совершенно ничего не известно?! – протянул Волынский и с нескрываемым удивлением воззрился на собеседницу.

– Нет, а что я должна знать? – несколько встревожилась Кася.

– Хотя бы то, как погибла мама Олеси?

– А она погибла?

– А куда она могла деться? – задал резонный вопрос Волынский.

– Я просто думала, что родители Олеси разошлись, а девочку растит дедушка, так часто бывает, – честно призналась Кася.

– Родители разошлись! – усмехнулся Волынский, повторяя за Касей, – только так часто не бывает...

– Сергей, перестань говорить загадками и объясни, наконец, что происходит...

– Что произошло... – Он качнул головой и так грустно улыбнулся, что на Касю это подействовало сильнее, чем слова. Непонятной тоской ей защемило сердце, и она с неприятным предчувствием ожидала продолжения.

– Маму Олеси, ее звали Юля, убили...

– Убили! – только охнула Кася, вспомнив не по-детски серьезные Олесины глаза.

– Да, и убил человек, которому она доверяла больше всего на свете!

– Ты оставишь свои тайны или нет! – раздраженно вырвалось у Каси. – Кто убил Юлю? Но Волынский думал о чем-то о своем и на затянувшуюся паузу внимания не обращал.

– Ее муж, – коротко ответил он, глядя куда-то в сторону. Черты лица его при этом заострились, рот сжался.

Кася молчала.

– Ты не ослышалась: Константин Стрельцов убил собственную жену, вернее, утопил ее... – повторил Волынский и посмотрел в сторону показавшегося из-за пролесков озера, – поэтому Олеся и живет одна с дедушкой. Мать ее погибла, а отец – в местах не столь отдаленных. Хотя я бы предпочел видеть его болтающимся на виселице!..

Глава 2

Путь из ниоткуда в никуда

Авиньон, 20 апреля 1321 года.

Если бы кто-то спросил Клааса Эльке, кто он, тот бы ответил, что привык считать себя подлым и трусливым негодяем, вором и мошенником, то есть нормальным и обычным человеком. Так как, не обладай он этими полезными качествами, его косточки давным-давно бы гнили в обильно удобренной такими же, как он, безродными беднягами, земле церковного кладбища большого торгового города Брюгге на севере Фландрии. Конечно, перед ним был выбор: окопаться от голода в возрасте пяти лет или выжить; подохнуть от холода, отдать концы от побоев отца, когда ему еще не исполнилось и десяти лет; слечь в сырую землю в эпидемию чумы в двенадцать; быть зарезанным в уличной потасовке в четырнадцать и так далее и тому подобное, всего не перечислишь. Единственное – с возрастом список возможностей отправиться на тот свет неумолимо удлинялся. Но и его способности всеми силами держаться за бренное земное существование увеличивались в прямой пропорции. Вся проблема была в том, что если бы кому-нибудь удалось доказать Клаасу, что на том свете жизнь была приятнее, он, возможно, и не хватался бы с упорством обреченного за пребывание в этом не слишком гостеприимном мире. Но при одном виде высохшего и постного лица преподобного Стефана Фульке, настоятеля их церковного прихода, все его существо с самого малого возраста категорически отказывалось верить обещаниям рая и счастливой загробной жизни. Поэтому, за неимением лучшего, он упрямо продолжал цепляться за эту бренную жизнь. По крайней мере, он знал, чего ожидать и чего бояться, а котом в мешке, по его твердому убеждению, можно было заманить только полных идиотов.

На дворе была весна 1321 года. Клаас подставлял лицо жаркому солнцу и радовался, что он не в родной Фландрии. Он уже давно предпочитал проводить время в южных владениях французской короны, нежели на туманных берегах каналов родного Брюгге. На этот раз его, одного из самых опытных и заслуженных шпионов фландрского епископа Мартинуса Эккерта, вызвали в Авиньон. И заказчиком была ни много ни мало сама Святейшая Инквизиция. На это богоугодное заведение ему приходилось работать уже не раз, и ни методы, ни формы работы святых отцов нисколько его не смущали. И самое главное, платили инквизиторы щедро, в срок и не обманывали. Поэтому он без всякого промедления покинул небольшой домик на левом берегу, в котором, по правде сказать, больше отсутствовал, нежели присутствовал. За домом в его отсутствие приглядывала верная домоправительница. Торопился он не зря.

Свидание ему назначил один из самых талантливых и самых опасных из всех известных ему инквизиторов, один из руководителей доминиканского ордена кардинал Бартоломео Трэве. Имелся еще один момент. Эльке был опытным шпионом, и он уже был наслышан о том, что за Бартоломео очень часто стоял один из самых могущественных и влиятельных людей своего времени, духовный правитель всей Европы папа Иоанн XXII. Следовательно, дело было более чем серьезным. Но для Клааса это звучало несколько иначе: значит, дело было более чем... доходным.

Встречу ему назначили в погребке «У трех висельников» недалеко от центра Авиньона. Погребок был местом встречи шушеры всех мастей: наемные убийцы ожидали здесь заказчиков, скупщики краденого встречались с поставщиками и клиентами, воры назначали свидания пособникам, отравители предлагали свои услуги уставшим от счастливой семейной жизни мужьям-женам и заждавшимся наследникам... В общем, кого только не водилось «У трех висельников»! И название было выбрано как нельзя лучше. Хотя оно происходило просто от находившейся в сотне шагов башни, которую местные власти использовали в качестве висе-

лицы. Но качавшаяся по соседству пара-тройка почерневших на солнце бывших посетителей погребка обычных завсегдатаев этого славного местечка нисколько не смущала, и на праздные размышления на тему «все там будем» не наводила. Жизнь в погребке продолжала идти своим чередом.

Здесь Клаас чувствовал себя словно рыба в воде. Лучшего места для встречи не сыскать. Каждый был занят собственными проблемами и в дела соседа нос не совал. Хозяин заведения, ловкий и расторопный провансалец, даже в самые тяжелые времена ухитрялся торговать самым лучшим в городе вином. Особенно Клаас любил игристое белое вино из Шампани. Оно наполняло все тело какой-то необыкновенной легкостью, но никак не отражалось на мыслительных способностях. И именно это ценил в вине Эльке. Он прекрасно знал, что от ясности и четкости мышления зависит его жизнь. Все проделки хозяина погребка были прекрасно известны службе папской охраны, но на земные грехи папская курия умела успешно закрывать глаза. Единственное, что волновало Верховного правителя Святейшего престола, это угроза собственной власти над умами и сердцем людей.

Бартоломео Трэве ждать себя не заставил. Он появился по своей давней привычке словно ниоткуда. Ради встречи с Клаасом доминиканец сменил сутану на светскую одежду. Все скрывал серый плащ с низко надвинутым на лоб капюшоном – человек явно желал быть неузнанным. Но к этому завсегдатаи «Трех висельников» привыкли, и никто на нового посетителя внимания не обратил.

– Ты получил мое послание? – глухим голосом спросил кардинал Клааса.

– Иначе бы меня здесь не было, – справедливо заметил Эльке.

– Посвятил ли Мартинус тебя в суть дела?

– И да, и нет.

– Говори яснее, – приказал тем же бесстрастным тоном Бартоломео.

– Я должен найти одного человека...

– Кто этот человек, тебе известно?

– Нет, его преосвященство объяснил мне, что речь идет об опасном враге церкви.

– Что тебе известно о катарах?

– Еретиках? – удивленно приподнял брови Клаас. – Ничего особенного.

– Ты не любопытен, – констатировал Трэве.

– Абсолютно, – подтвердил Эльке.

– Это самые опасные из еретиков. Они призывают к неповиновению и бунту против самого святого!

Перед внутренним взором Клааса встала постная физиономия Стефана Фульке, залитое жиром лицо и невероятная роскошь облачения Мартинуса Эккерта, и он усмехнулся. По его твердому убеждению, самые опасные враги церкви находились внутри нее. Но этими соображениями благоразумный шпион делиться со своим заказчиком не стал.

– Ты должен последовать за мной, – поднимаясь, приказал доминиканец.

– Куда?

– Не задавай вопросов, сам все увидишь!

Клаас замолчал. Они вышли из погребка, обогнули крепостную стену справа и спустились в небольшую нишу. Доминиканец, быстро оглядевшись вокруг, достал ключ и открыл совершенно незаметную снаружи, увитую вьющимся кустарником, дверцу. За дверью открывалась спускающаяся вниз лестница. Бартоломео зажег предусмотрительно вставленный в нишу в стене факел и отправился вперед. Клаас, не задумываясь, последовал за ним. Лестница окончилась подземным ходом. Этим ходом, судя по всему, пользовались часто. Достаточно было посмотреть на закопченный огнем факелов потолок...

* * *

Рассказанное Волынским Кася передала Кириллу утром. Кирилл выслушал Касю внимательно, не прерывая.

– Итак, Константина Стрельцова обвинили в убийстве собственной жены... но он собственной вины не признавал, и, как всегда, все забыли про презумпцию невиновности... – с сарказмом в голосе произнес он и задумался.

– Ты словно не веришь в это?! – с удивлением констатировала Кася. Она ожидала совершенно другой реакции.

– Факт, что мне не нравится Борис Стрельцов, вовсе не обозначает, что я готов поверить чему угодно, – заметил Кирилл.

– И обвинение в убийстве, на твой взгляд, – это что угодно? Мы ведь его совершенно не знаем!

– В этом ты права, но мне кажется, ни внучка, ни дед Стрельцов в это не верят, иначе бы не было всех этих фотографий на стене.

– Ты и фотографии успел рассмотреть?!

– Успел, – поддразнил Касю Кирилл, – а ты, конечно, как всегда, ворон в небе считала!

Кася только вздохнула. Излишней внимательностью она на самом деле не отличалась. Во всяком случае, в игре, в которой надо было запомнить и сразу выложить один за другим все предметы, она неизменно проигрывала. Кириллу же было достаточно одного взгляда, чтобы воспроизвести по памяти все до самой мельчайшей детали. В этом на него она могла полагаться.

– Хорошо, и ты эти фотографии все до одной рассмотрел?

– Да, обычные фотографии счастливого семейства: мама, папа, дочка и дедушка. Хоть в рекламе используй. Она, я имею в виду Юлю, была удивительной: не то, чтобы красивой, а какой-то, не знаю какое слово подобрать, вдохновляющей, что ли... – замялся Кирилл.

– Вдохновляющей или провоцирующей? – пробормотала под нос Кася.

– Нет, не провоцирующей, в этом-то все и дело! Судя по фотографиям, она была очень естественной, без деланности, кокетства, позерства. Удивительно естественной... Мне сложно представить ее... – Кирилл снова замолчал, задумавшись.

– То есть тебе сложно представить, что она могла изменить мужу с кем бы то ни было?

– Именно так, – согласился Кирилл.

– Хорошо, – задумалась Кася, – но ведь кто-то ее убил!

– Та-ак, – протянул Кирилл и с веселой угрозой добавил, – даже и не думай!

– Не думай – о чем?

– У тебя этот особый блеск в глазах появился, как у собаки-ищейки, поэтому и предупреждаю: даже не думай!

– За собаку – спасибо, – слегка надулась Кася.

– Не дуйся, но посмотри на себя: ты чуть не копытом бьешь, так тебе хочется ринуться доказывать невиновность отца Олеси!

– То собака, то лошадь – не я, а зоопарк! – для видимости поморщилась Кася, но мысленно уже начала прокручивать всю имеющуюся в голове информацию. Кирилл был прав. Ей неожиданно стало очень важно понять, что же произошло на самом деле. Касе уже приходилось пару раз расследовать преступления, которые не имели никаких логических объяснений. Поэтому Кирилл беспокоился не зря и насчет особого блеска в глазах не ошибался. И на этот раз у его подруги проснулся охотничий инстинкт.

Кирилл молча наблюдал за Касей. Наконец, когда ему надоело ждать у моря погоды, он предложил:

– Пойдем, прогуляемся...

Вечер был удивительно приятным, и они отправились на берег озера. По дороге встретили знакомого рыбака из соседней деревни, смешного и болтливового Семеныча. Тот встрече явно обрадовался и вознамерился проводить молодую пару до озера. Мужик явно соскучился по общению.

– А ты у Стрельцовых – частая гостья, мне Андреич про тебя рассказывал. Спасибо, что с девочкой разговариваешь. А то Андреич боится, как бы после всего совсем малахольным ребенок не стал.

– Олеся – малахольной!

– А что, вы не знаете ничего?

– Знаем, так, в общих чертах, – осторожно ответил Кирилл, словно приглашая Семеныча продолжить, и взглянул на Касю. Та же вся обратилась в слух.

Долго уговаривать Семеныча не пришлось. Наоборот, он явно обрадовался такой нечаянно-радостной возможности поговорить и зачастил, словно боясь, что его остановят и ему придется одному продолжать свой путь.

– Значит, знаете, что Костя Стрельцов жену из ревности убил? Эх, человеки-мудители, – это была любимая присказка Семеныча, – если бы вы видели, какой она красавицей была! Эх, Юля, Юля! – неожиданно горестно вздохнул.

– Ну, а вы-то этому верите?

– Чему? Что Костя Юлю погубил? – Мужик явно задумался. – Эх, человеки-мудители, кто его знает? Это с какой стороны поглядеть... – протянул он.

– А вы со всех посмотрите, – посоветовал Кирилл.

– С одной, так не мудрено, да и всем удивительно казалось: городская девушка, художница и вышла замуж за такого медведя, как Костя Стрельцов. Хотя, с другой если посмотреть, так Костя – парень из себя видный был, не дурак, да и сначала вроде бы в полном согласии жили. Все уже привыкли и о городской истории Юли и не вспоминали. Потом Олеся родилась. Юля картины свои рисовала, Костя в городе работал, Андреич девочкой занимался да и по хозяйству. Андреич, он на все руки от скуки, никакой работы не боится. Нет для него такого, что, мол, это – для баб, а то – для мужиков, – рассуждал с важностью Семеныч.

– То есть все в семье было хорошо? – уточнила Кася, многозначительно посмотрев на Кирилла.

– Так и есть, все было, как у людей. Да только однажды Юля словно сквозь землю провалилась. Всей деревней ее искали. Костя как оглашенный бегал. А потом тело в осоке на озере нашли. Ну тут, как полагается, полиции понаехало, следователей городских тьма-тьмущая, с утра до вечера по всему селу толклись. А потом Костю скрутили, мол, он виноват. Вроде как видели его в тот вечер с Юлей... – Семеныч замолчал, собираясь с мыслями, а потом добавил: – Ну, а девочка малость малахольная стала. Да с таким и взрослому человеку смириться трудно, не то что ребенку... Говорит, что мама, мол, не умерла и ее, свою дочку, не бросила, а ночью к ней приходит, а сама, мол, теперь в озере живет...

– Мама – русалка, папа – в тюрьме... – вздохнул Кирилл и в свою очередь обменялся с Касей многозначительным взглядом: мол, рискуешь влезть в историю, из которой так просто не выберешься.

Но особенностью Касино характера было то, что она хронически не переносила всяческие предупреждения. Словосочетание «здравый смысл» оказывало на нее примерно такое же успокаивающее действие, как красная тряпка на быка. И если Кирилл желал одного: поскорее покончить с бессмысленным, на его взгляд, разговором и вернуться в их палатку, то Касю было уже не остановить.

– Просто ребенку так проще переносить потерю матери, – безапелляционным тоном заявила она, – ничего страшного в этом нет.

– И я тоже это Андреичу говорю. Тем более про русалок каких только небылиц люди не выдумают! Не всем же им верить. А что в некоторые ночи и в самом деле странные огни рыбаки на озере видели, и все местные знают, что в такие дни лучше к озеру не приближаться... – заговорщицки произнес Семеныч.

– Ну конечно, после второй пол-литры, особо не закусывая, не то что огоньки, фейерверки привидятся, – насмешливо ответил Кирилл, понимающе переглянувшись со своей подругой.

– Вы, городские, больно умные! – оскорбился мужик. – Чуть что из вашего понимания выходит – сразу про пол-литру!

– Не обижайтесь, Семеныч, Кирилл пошутил, – примиряюще произнесла Кася, – лучше скажите, почему все-таки Костю обвинили?

Семеныч был характера незлобивого, уже через минуту про пол-литру забыл и радостно продолжал рассказывать подробности происшедшего. Источником информации Семеныч был идеальным.

– Видели его в тот день недалеко от озера. Костя – рыбак заядлый. Так вот в тот день он как раз выходной был и на рыбалку ездил. Правда, и сами следователи говорили: никто не видел, чтобы он Юлю топил, и сам Костя отчаянно от всего отказывался. Но другого виновника не нашли, и Косте не поверили, правда, нашли смягчающие обстоятельства и дали пятнадцать лет, а не пожизненное.

– И какие же смягчающие обстоятельства? – поинтересовалась Кася.

– Убийство из ревности! – с важностью произнес мужик.

– Это мы уже слышали, – недовольно произнес Кирилл, которому явно все это надоело.

– У Юли кто-то был? – продолжала выпрашивать мужика Кася.

– Кто его знает?! Андреич клянется, что нет. Он за Юлю горой стоит, мол, бабы своими погаными языками молотят, чего не знают. А Юля с Костей всегда душа в душу жили. Я-то не знаю, за дверью не стоял и свечку не держал... Только... – И мужик явно замаялся, колеблясь. С одной стороны, было видно, что его распирало от желания рассказать все, что знал. С другой – чувство дружбы со старшим Стрельцовым мешало. Наконец первое желание победило, и он затараторил:

– Многие Юлю с археологами этими видели, да и к Стрельцовым домой они повадились. Косте это не нравилось. Ну а что, Костя – парень простой, а эти... Один – столичная штучка, а другой и того хуже – принц заморский. А все-таки Костя Юле не ровня был. Может, ей было интереснее с такими людьми общаться? Мужчины из себя видные, один – иностранец. Они-то говорили, что, мол, на Юлины картины посмотреть пришли. Купить хотели, особенно одну...

Кася слушала внимательно. И гипотезы, одна другой смелее, стали вырисовываться в ее мозгу. Но самое главное, ей отчаянно хотелось помочь Олесе. Тем временем Семеныч с чувством завершил свой рассказ:

– Она ведь и на самом деле так рисовала, что посмотришь – и из тебя словно кто-то кишки вытряхнул, так больно, а потом радость приходит и плакать хочется. Вот такие картины! Я хоть мужик простой, опять про пол-литру начнешь! – с оттенком обиды укорил он Кирилла. – Но я так думаю. Если она простого, необразованного до самого нутреца пронять смогла, то что про тех, кто понимает, говорить! Вот какая она была, Юля!

К палатке возвращались молча. Говорить им не хотелось. Каждый понимал, что другого убедить не удастся. Кириллу было обидно, что с таким трудом выкроенные десять дней отдыха грозили окончиться гораздо раньше запланированного. Но он совершенно не представлял себе, каким образом остановить Касю. Той же хотелось только одного: понять, что же произошло на самом деле. Она уже вырабатывала в голове план действий.

– Может, завернем к Стрельцовым? – предложила она.

– Слушай, утро вечера мудренее, если хочешь получше разобраться со всей этой историей, ходим к Стрельцовым завтра, а сегодняшний вечер давай посвятим нам. Мы этого тоже заслуживаем! – В голосе Кирилла прозвучали обиженные нотки.

Виноватая Кася остановилась, обернулась к Кириллу и прижалась к нему.

– Извини!

– Не извиняйся, не надо, просто давай побудем вместе и больше ни о чем не будем спорить.

Кася молча прижалась губами к его шее и нежно поцеловала. Волнение сразу улеглось, и ей стало неожиданно уютно и спокойно. Только что она была испугана и встревожена всем услышанным, но близость Кирилла подействовала на нее умиротворяюще. Они были вдвоем, и уже больше ничего не имело значения. Тихая ночь, звезды, легкий свежий ветерок, все было удивительно хорошо. До палатки дошли быстро и, не сговариваясь, нырнули внутрь. Свет зажигать не стали. Просто обнялись и так и лежали, наслаждаясь близостью друг друга. Сегодня им не хотелось ни страсти, ни пылких объятий. Просто чувствовать другого, знать, что он рядом и ты его любишь. Что будет еще огромное количество вот таких тихих вечеров, когда не надо задавать себе вопросов, не надо кем-то казаться, а можно просто быть друг с другом, слушать дыхание, чувствовать биение сердца и умиротворенно уноситься в мир грез.

* * *

В комнате, освещенной только закатными лучами солнца, причудливо играющими на стенах, было двое. Они смотрели друг на друга и молчали.

– Забеспокоился?! – Голос первого был торжествующим и издевательским.

– Почему ты так решил? – вопросом на вопрос ответил второй.

– Иначе бы так срочно не вызвал!

– И, судя по твоему тону, ты думаешь, что я беспокоюсь зря.

Первый промолчал. Видно было, что он взвешивает ответ.

– Теперь молчишь, – констатировал второй.

– Молчу и слушаю, такая позиция мудрее.

– В этом ты прав, тем более ты убедишься в справедливости подобного поведения, если я тебе скажу, что нашему другу все известно.

– Что известно? – насторожился первый.

– Ты его за кого принимал? За идиота?

Ответом на риторический вопрос снова было молчание. После недолгой паузы второй решительным голосом продолжил:

– Ты понимаешь, что мы не имеем права рисковать? Слишком долго мы шли к нашей цели, чтобы смотреть, как все разрушается, словно карточный домик! И позволь добавить, что ты сам навел его на решение загадки!

– У меня не было выхода. Без его вклада нам было не обойтись, ты сам прекрасно знаешь. И нечего на меня все валить! – Первый явно возмутился, и второй поспешил сгладить конфликт:

– Извини, просто нервы последнее время ни к черту. Чем ближе к цели, сам понимаешь. А в последнее время еще эта влюбленная парочка под ногами путается.

– Ладно, расслабься, – с оттенком снисхождения произнес первый, – до парочки нам никакого дела нет, прибыли и уберутся восвояси. А с другом как-нибудь разберемся. Припугнем если что, он восприимчивый.

– А если не впечатлится? – вкрадчиво спросил второй.

– Найдем выход, как известно, нет человека – нет проблем. . . – с легкостью ответил первый.

* * *

В отношениях Каси и Кирилла утро действительно было мудренее вечера.

– Эй, засони, просыпайтесь! – раздался голос друга Кирилла Игоря, и палатку требовательно затеребили.

Кася с Кириллом медленно и нехотя вырывались из объятий сна. Но от Игоря отделаться было не так-то просто.

– Просыпайтесь! Я вам кофе привез и булочки, в «Сладкоежке» купил. Касе в последний раз понравились, – голосом профессионального зазывалы продолжал настаивать Игорь.

– Все, все, проснулись, – пробормотал Кирилл, расстегивая вход в палатку и выбираясь наружу.

– Уже десять часов утра! – возмутился Игорь, – а мне все байки рассказываете, что, мол, восходом солнца любуетесь!

– Любуемся, но не каждый же день! – возмутилась Кася.

– Ладно, не ворчи, идем лучше кофе попьем вместе. Меня на природу сегодня потянуло, – не обращая внимания на ее недовольство, весело проговорил Игорь.

– На природу! Ты же только позавчера про исключительной важности заказ рассказывал!

– Ну, так я почти все наброски сделал и основную картину начал. Пара дней – и все будет готово. Душа перерыва требует, к матушке-земле прильнуть, ее жизненными соками подпитаться, – дурачился Игорь.

– На данный момент твоя душа, похоже, требует кофе и булочек из «Сладкоежки», – ехидно заметила Кася, – и потрепаться вволю.

– Не без этого... – нисколько не обижаясь, согласился Игорь.

– Кстати, а как ты познакомился с семьей Стрельцовых? – поинтересовалась Кася, когда они устроились около потухшего огня и лакомились горячим кофе с оказавшимися невероятно вкусными булочками.

– С Юлькой с детства в одну художественную школу ходили. Даже в Строгановку вместе думали поступать, – сказал он, и взгляд его неожиданно затуманился: – Эх, Юльку жалко!

– Я не знала, что она погибла, – проговорила Кася.

– А зачем тебе было знать, прошлого не воротить! – махнул рукой Игорь. – А Юльку жалко. Если бы вы только знали, какой это талант был, и девчонка, женщина, я имею в виду, классная была. Простая, без завихрений и чванливости. Это я – малую и на жизнь себе намалявываю. Ремесленник я, вот кто! Сам знаешь... Тому речку с ивами нарисуй и дачей его в обнимку, тому – его Дуню в образе Елены Прекрасной, хотя она в лучшем случае на рекламу пива в образе воблы годится. Или еще какую-нибудь дребедень. Сам мой интернетовский сайт видел, так и зарабатываю. Не жизнь, а малина. А у Юльки настоящий талант был. Меня еле в Вологодский областной пединститут на художественное отделение взяли. А её в Строгановском с руками оторвали. Хотя так получается иногда, что не знаешь, где найдешь, где потеряешь...

– Это ты к чему?

– А к тому, что со Строгановки вся эта херня и закрутилась. Что там случилось – никто не знает, да только вернулась она оттуда через год и больше об учебе и слышать не желала. Продавщицей стала работать. Только отец ее – директор школы Вензалинов Яков Александрович, его в нашем городе все знают, – с этим не смирился, пытался бороться, чтобы она учебу возобновила, академический отпуск ей выбил, но она и после академа в Строгановку не вернулась, а фортель похлеще выкинула...

– Какой фортель?

– Замуж вышла за Костю Стрельцова. Яков Александрович после этого с ней общаться перестал.

– Почему ему не понравился Стрельцов?

– Дело тут вовсе не в Косте. Видите ли, Вензалинов в Юльку всю душу вложил, мечтал, что дочка знаменитой художницей станет. Он, Яков Александрович, человеком был очень непростым. Даже удивительно, что он так в Белозерске и застрял, а не в какой-нибудь большой город уехал. Он ведь Ленинградский университет в свое время с красным дипломом закончил. Да и не из простой семьи он. Сам видел, что у них дворянская грамота, пожалованная Екатериной Второй, есть. Может быть, преследований каких опасался, времена тогда непростые были, вот и предпочел затеряться в глуши. А таких широких познаний человек, по-английски и по-немецки свободно говорил, в нашей-то глуши!

– И Юля надежд отца не оправдала, – констатировал Кирилл, – а она что, рисовать совсем бросила?

– В том-то и дело, что нет, – пожал плечами Игорь, – по мне, так она даже лучше стала писать. Словно цветок, свою почву нашла и еще краше расцвела. Да и с Костей они душа в душу жили. Костя ее без памяти любил...

– Любил и убил, – продолжил Кирилл, – если верить всему услышанному.

– Если верить, – вздохнул Игорь и убежденно добавил, – а я вот не верю!

– Не веришь? – ухватила за это признание, словно за соломинку, Кася. – Почему?

– Я часто у них бывал и хорошо знал...

Игорь начал свой рассказ, и чем дольше он говорил, тем лучше понимала Кася, как жила эта семья. Юля была очень сложным человеком, необыкновенно талантливым. Иногда она существовала словно в параллельном мире, увлеченная своими видениями, окутанная вуалью фантазии, со взрывами смертельной тоски и такими же непонятными и безумными всплесками счастья. С ней никогда не было просто, но Костя любил ее такой, и ему было хорошо с ней. Он не просто любил ее, он боготворил свою жену и готов был ей отдать все – последний кусок хлеба, последнюю рубашку, последний вздох, все, абсолютно все. Он ухаживал за ней как за ребенком и радовался любому ее успеху. Именно с ним Юля отогрелась, и они по-настоящему были счастливы. Конечно, пришедшему со стороны человеку вся эта история с утоплением неверной жены могла показаться абсолютно правдоподобной. Но чем дольше Кася слушала Игоря, тем больше убеждалась, что Костя мог умереть сам, но никогда бы не поднял руку на обожаемую жену. Она не просила доказательств. Она просто приняла веру Игоря как свою собственную. Но оставалось одно: кто-то ведь убил Юлю. И этот кто-то продолжал оставаться на свободе ненаказанным. А другой, утративший одного из самых дорогих людей на свете, мучился в тюрьме.

– Странно, что Олеся мне никогда не показывала материнские картины, – задумчиво пробормотала Кася.

– А ты попроси, она покажет. У них со стариком только эти картины и остались. Они на них, как на иконы, молятся. Давайте я вас к Стрельцовым и подброшу.

Кася упрашивать себя не заставила, и уже через полчаса удивленная Олеся открывала им дверь своего дома.

– Ты одна зайди, я на улице подожду, – благоразумно произнес Кирилл.

– Как хочешь, – ответила Кася, заходя внутрь.

– А у меня ничего не готово, я вас еще не ждала, – виновато произнесла девочка, – дед только недавно пошел сети проверять.

– Я не за этим пришла, Олеся. Я бы хотела с тобой поговорить.

– О чем?

– О твоей маме, – просто ответила Кася.

Олеся как-то странно дернулась и словно застыла.

– Почему вы хотите о ней поговорить?

– Олеся, милая, я ничего не знала, только вчера вечером услышала.

– Что вы слышали? – с непонятной враждебностью произнес ребенок.

– Что мама твоя погибла, – осторожно начала Кася, у нее возникло ощущение, что она словно продвигается по зыбкому болоту.

Олеся ничего не ответила, только отвернулась. А когда вновь повернулась к своей собеседнице, Кася ужаснулась. Что она наделала! Все лицо девочки было залито слезами, и сквозь слезы блестели большие голубые глаза. Она так и плакала с широко открытыми глазами. Касю парализовало, она рванулась было к Олесе, но та отвернулась и долго молчала, дергая изредка плечами. Девушка ждала и, наконец, решилась.

– Олеся, я ничему этому не верю!

– Чему вы не верите? – спросила Олеся, всхлипывая, и вновь повернулась к своей гостье.

– Не верю, что твой отец, Константин Стрельцов, убил твою маму, – как можно тверже произнесла девушка.

Олеся с неожиданной надеждой посмотрела на Касю:

– Вы этому не верите?

– Нет, и не я одна. Игорь тоже этому не верит!

– Тогда вы нам поможете, – сказала, словно постановила, Олеся.

Кася хотела возразить, что ничего от ее уверенности не изменится, что совершенно не в ее силах изменить что-либо в этой истории. Но в глазах Олеси было такое ожидание чуда, что Кася не смогла, не посмела возразить.

– Ты можешь показать картины твоей мамы? – попросила Кася.

– Могу, конечно же, могу, – удивительно лучисто улыбнулась девочка, утирая продолжавшие катиться по щекам слезы, – те, которые она никому не любила показывать и мне запрещала. Говорила: это только для специальных людей.

– А мне можно показать?

– Думаю, что да, мне кажется, что именно тебя она и имела в виду, – совершенно серьезно ответила Олеся и предложила: – Ты хочешь, чтобы и твой друг на них поглядел?

– Если можно.

– Отчего же нельзя?! Для того они и существуют, чтобы на них особенные люди смотрели, – с неопровержимой логикой заявила Олеся, – мама потому их и рисовала.

– Хорошо, спасибо. – Кася легко прикоснулась к плечу Олеси и позвала Кирилла.

Олеся проводила Касю с Кириллом в застекленную террасу, пристроенную к боковой стене дома. Эта терраса на самом деле оказалась Юлиной мастерской. На центральной стене их внимание сразу привлек необычный триптих. Он был неожиданно огромным, занимал почти всю стену мастерской. И даже беглого взгляда на эти три картины было достаточно, чтобы оценить мастерство художника. Юля действительно была необыкновенно, не по-человечески талантлива. Но с другой стороны, эти картины рождали чувство странного неудобства, дискомфорта и даже в какой-то степени страха. Кася присмотрелась внимательно.

Больше всего поражала центральная часть триптиха, на которой на костре сжигали группу людей. Самое удивительное, что на лицах обреченных не было никакого следа муки, никаких искажавших лица гримас боли – ничего. Огонь лизал ноги и руки, подкрадывался к головам, у некоторых уже тлели волосы, но женщины и мужчины были поразительно красивы и спокойны. Глаза персонажей светились умом и одухотворенностью. Все они были одеты в белые одежды, на фоне которых красно-желтые отблески пламени смотрелись особенно зловеще. В правом углу картины высокий обрыв опоясывали крепостные стены странной геометрической формы. Весь левый угол был занят извилистой, то поднимающейся вверх, то опускающейся вниз дорогой, усеянной перевернутыми крестами. И внизу, под костром, вместо земли или булыжников, синело небо с золотыми песчинками звезд.

– Потрясающе! – только и вымолвил Кирилл.

Кася смотрела молча, словно впитывая в себя странные образы. В искусстве она не была сильна и судить о ценности произведения никогда не бралась. Она могла отличить стили и эпохи, разбиралась в живописных техниках, но сама признавала, что художественным вкусом никогда не обладала. Но для восприятия этих картин никакого художественного вкуса не требовалось. Они просто захватывали целиком и вели в особый, неповторимый мир, куда любому другому, кроме художника, вход был запрещен.

– Им совершенно не больно! – вымолвила, наконец, она.

– Словно огонь для них избавление, – подхватил в задумчивости Кирилл.

– Избавление от чего?

– От страданий, наверное, – предположил Кирилл.

– Спасение в мучении... Нет, я ничего не понимаю! – помотала головой Кася.

– Такими одухотворенными могут быть только лица святых, – продолжал размышлять Кирилл.

– Ты прав, – подхватила Кася, – это и поражает – смешение иконописных стандартов с современными стилями письма.

– Верно замечено! Чем дальше рассматриваю, тем больше понимаю, что такое странное впечатление действительно вызвано соединением несоединимого. На периферии картина совершенно современна. Но смотришь на центральную группу: все пропорции нарушены, как в средневековой живописи...

– Или в иконописи... – Кася усиленно вспоминала уроки изобразительного искусства. – Посмотри, пропорции человеческого тела также сознательно нарушены, как и в иконописи. Фигуры святых всегда изображались более тонкими, плечи узкими, а пальцы руки и ног несоответственно длинными. Овал лица удлинляли, нос и рот писали маленькими, лоб – высоким, а глаза – огромными.

– Но кто эти люди? В новозаветных преданиях и в иерархии святых я не силен.

– Я – тем более.

– В любом случае меня эта картина словно гипнотизирует! – признался Кирилл.

– Меня тоже! Твоя мама была гением! – с чувством произнесла Кася, обращаясь к замершей рядом с картинами Олесе. Та только кивнула – Кася всего лишь подтвердила то, что она, Олесья, всегда знала.

Кирилл и Кася продолжали рассматривать левую и правую части триптиха. На левой была изображена золотоволосая женщина со склонившимся перед ней единорогом. На правой – сидящий за столом мужчина с кубком в руках на фоне странного двухэтажного строения, напоминающего храм. В этом строении не было окон, только четыре двери.

Попрощавшись с Олесей и пообещав вернуться за провизией после обеда, они вышли от Стрельцовых. Возвращались к палатке молча. Каждый переваривал только что увиденное. Минут через десять Кирилл с явным удивлением пробормотал:

– Лабиринт!

– При чем тут лабиринт? – удивилась Кася.

– Потрясающе! – продолжал Кирилл, – у меня ощущение, что это не просто картины, а какое-то закодированное послание, все это удивительно похоже на эзотерические символы. Видеть эти мотивы в российской глубинке, в деревенской избе – абсолютно неожиданно.

– У тебя не начинается какое-то редкое профессиональное заболевание? – с легким ехидством поинтересовалась Кася.

– И какое же?

– Что-то вроде криптографической мании преследования... – произнесла она, намекая на род занятий Кирилла.

Когда ее подруга Ирина представила ей Кирилла, его профессию она назвала неопределенно: специалист по информационным системам. Формулировка была более чем обтекаемая, но Кася подробностей тогда выспрашивать не стала. Она реально опасалась, что объяснения только напустят туману да еще выявят её слабые познания в данном вопросе. А показывать себя в невыгодном свете тогда ей совершенно не хотелось. Сейчас, когда их отношения продолжались уже больше года, она знала больше. Но и теперь значительная часть деталей ей была неизвестна. И не потому, что Кирилл не желал посвящать ее в подробности собственной деятельности. Он-то как раз пытался ей рассказывать, но все это было довольно занудно. Главное, что Кирилл был редким и очень востребованным специалистом. И ей самой уже не раз пришлось убедиться в его талантах. Во всяком случае, в ее предыдущих успехах в качестве детектива-любителя Кириллу принадлежала достаточно солидная роль.

– Нет, я действительно отличаюсь удивительно кротким и покладистым нравом, – вздохнул Кирилл, – ты сама меня во все это впутала, а когда я пытаюсь разобраться и помочь тебе, начинаешь иронизировать.

– Извини, меня действительно изредка заносит.

– Изредка! – приподнял одну бровь Кирилл.

– Иногда, – поправилась Кася.

– Иногда – ближе к истине, – милостиво согласился Кирилл.

– Но ты прав, в картинах есть действительно что-то, напоминающее послание, – неожиданно для самой себя подтвердила правоту Кирилла Кася.

– Остается найти ответ, что это за послание...

– Не только и не столько, мы с тобой упустили главное, – промолвила девушка.

– Главное?

– Не за эти ли картины Юля заплатила собственной жизнью?

– Только что меня обвиняли в криптографической мании преследования, а саму-то тоже в эзотерику заносит!

– Заносит, – призналась Кася, – но от таких картин куда только не занесет!

Они проговорили до самого вечера. Так и уснули, продолжая размышлять и пытаясь найти ответ на вопрос, что бы все это значило. Незадолго до рассвета кто-то требовательно затеребил палатку.

– Кася, просыпайтесь, Кася! – послышался снаружи голос Криса.

С трудом вырываясь из объятий глубокого сна и выбираясь наружу, Кася пробормотала:

– Что случилось?

– Сергей!.. – Крис дрожал.

– Что Сергей? – встревожилась Кася.

– Его нашли! – выдохнул Крис.

– Как – нашли? – переспросила она, предчувствуя худшее.

– Он не сам нашелся? – уточнил вылезший вслед за Касей Кирилл, протирая никак не желавшие открываться глаза.

– Нет! – Крис бессильно опустился на землю рядом с палаткой и закрыл лицо руками. Он был бледен и прерывисто дышал.

– Почему? – продолжал выспрашивать Кирилл.

– Оставь его в покое, ты не видишь, в каком он состоянии! – одернула возлюбленного Кася и добавила по-русски: – Отдышится, сам расскажет.

Они сели напротив Ланга и стали терпеливо ждать. Тот действительно минуты через три задышал более ровно, усилием воли заставил себя перестать дрожать и поднял на них глаза:

– Его нашли в овраге между обводным каналом и озером! В километрах двух отсюда...

Вернее, нашли то, что от него осталось.

– То, что от него осталось?! – Кася потрясенно уставилась на археолога.

– Сергея сожгли на костре!

Кася выдохнула и схватила Кирилла за руку. Все остальное напоминало дурной сон. Они, кое-как причесавшись и ополоснув заспанные лица водой, послушно последовали за Кристофером. Пока шли, окончательно рассвело. Место, где нашли тело, было уже надежно оцеплено, но несколько деревенских, предупрежденных кем-то из местных, топтались неподалеку от ограждений, пытаясь разглядеть происходящее. Касю и Кирилла пропустили в качестве переводчиков с основным свидетелем. Они прошли мимо побледневших членов экспедиции и приблизились к огромному стволу столетней и уже умершей ели. У подножия виднелись остатки большого костра и лежало тело. Но к Касиному облегчению, то, что осталось от Сергея, уже прикрыли. Вокруг неторопливо работала следственная группа. По их ошарашенному виду Кася поняла, что даже для этих привычных ко всему людей убийство Волынского было шоком. После она, словно автомат, переводила рассказ Криса и его ответы на вопросы следователей. Получалось, что Волынский после ужина отправился на встречу с неким другом. Его имя назвать своим коллегам он отказался. Судя по всему, рассказ Кристофера подтвердили и другие члены экспедиции. Наконец, им сказали, что они с Кириллом свободны. Задерживаться они не стали, словно и для него, и для нее самым важным в этот момент было подальше убраться от этого страшного места, будто кошмарные картины могли стать легче с расстоянием.

Они шли, держась за руки. Так им было легче. Долго молчали, пока, наконец, голос Кирилла не разорвал повисшее молчание:

– Не могу отделаться от одной мысли!

– Какой? – прошептала Кася.

– Чертовщина какая-то, но мне кажется, что Волынского перед смертью распяли, словно принесли в жертву во искупление чего-то. Только чего?..

Глава 3

Час от часу не легче

Кася, сходявшая с утра в лагерь археологов, возвращалась от них совершенно расстроенная. На нее удручающе подействовала атмосфера, царившая в лагере. Хотя что тут удивительного? Только что зверски убили руководителя и у всех крутилась в голове одна и та же мысль: «Кто?» Место, где нашли Волынского, вернее то, что от него осталось, оцепили и тщательно прочесывали вызванные из областного центра специалисты. Обугленный труп увезли в Вологду на экспертизу. Конечно, его опознали по личным вещам, но оставалось подтвердить, что это именно Волынский. Из Москвы должен был приехать отец Сергея, мать же увезли в тот же день на «Скорой». С ней оставалась сестра Сергея, Светлана. Кристофер ходил сам не свой. Да и все остальные члены экспедиции находились в состоянии шока. Кася побродила по лагерю, походила тенью за Лангом, но тот, казалось, даже не замечал ее присутствия. Мужчина метался, словно тигр в клетке, то заходя в палатку, то выскакивая из нее. Наконец, он остановился и опустил на землю, закрыв лицо руками. Тогда Кася решила:

– Крис, так нельзя, приди в себя!

– Как нельзя?! Ты хоть понимаешь, что произошло?! – И он снова вскочил.

– Сядь и успокойся! – спокойно и жестко произнесла она и буквально усадила его на место.

Крис слегка опешил, но сел на землю, обхватив колени руками. Плечи его подрагивали, словно он пытался сдержать рыдания, но глаза оставались сухими.

– Как это могло произойти? – прошептал он глухим голосом, – если бы я только знал! Если бы я только мог предвидеть! Знаешь, когда вчера вечером мы говорили и он мне сказал, что вернется поздно, я только посмеялся, мол, опять на приключения потянуло. А он ответил, что нет, это вовсе не приключения, а может быть, он стоит на пороге большого открытия и всю жизнь ждал этого. Он был как-то необыкновенно серьезен в этот момент, странно, необычно серьезен... Для него все это было исключительно важно...

Кася сначала слушала молча, понимая, что сейчас было важно, чтобы Кристофер выговорился. Но тут не выдержала:

– Ты знаешь, о каком открытии говорил Сергей? Он нашел месторасположение городища?

– Не думаю, – пожал плечами Кристофер, – да и потом искать глубоким вечером то, что мы не смогли разглядеть днем...

– Извини, действительно глупое предположение. Но тогда что он мог искать?

Крис отвернулся:

– Откуда мне знать?

– А с кем он должен был увидеться этим вечером, тебе известно?

– Нет, но думаю, что могу догадаться, – напряженно думая, произнес Крис.

– Ты поделился своими подозрениями со следователем?

– Нет, я ни в чем не уверен, – ответил Крис.

– Ты можешь мне сказать?

– Я сначала должен хорошо все обдумать... – уклонился от прямого ответа канадец.

– Тебе решать, только будь осторожен, – предупредила его Кася.

– Нам всем надо быть очень осторожными, тебе в том числе! – несколько высокомерно произнес канадец.

– Я всегда осторожна, – возразила ему Кася, подумав про себя: если бы Кристофер только знал, в какие переделки ей уже пришлось попадать, высокомерия он бы поубавил.

– Никто никогда не осторожен достаточно, – с неожиданной горечью произнес Ланг.

С этими словами он развернулся и, слабо взмахнув рукой на прощание, ушел. Кася смотрела ему вслед. Ему было явно известно что-то, чем он не захотел поделиться. Но, в конце концов, вся эта история ее совершенно не касалась. Кирилл был прав. Волынский был симпатичным малым, и его было безумно жаль. Но она не была ни членом его семьи, ни его близким другом. Она развернулась и, не торопясь, отправилась по направлению к их с Кириллом палатке. Краем глаза заметила какое-то неуловимое движение слева. Повернула голову – ничего. Неужели померещилось? Неожиданно необъяснимое чувство ужаса поднялось откуда-то из глубины. Ведомая инстинктом самосохранения, она побежала все быстрее и быстрее, словно спасаясь от неведомой опасности. Она уже не прислушивалась к звукам леса, просто неслась. Единственная мысль билась в голове: «Лишь бы Кирилл был на месте!» Но около палатки никого не было.

– Ки-ри-и-лл!

– Что случилось? – вынырнул из-за кустов Кирилл и подхватил буквально упавшую в его объятия Касю.

А она, ничего не пытаясь объяснить, разрыдалась. Кирилл терпеливо поглаживал всхлипывающую подругу и, когда наконец та успокоилась, повторил вопрос:

– Что случилось?

– Не знаю, – пробормотала она, ей уже было стыдно за собственное непонятное поведение, – наверное, нервы разыгрались.

– Не верю, – спокойно возразил он, – ты бы никогда так не принеслась, если бы не почувствовала нечто необычное.

– Мне стало страшно, – призналась она.

– Ты заметила кого-то или что-то?

– Не уверена, не знаю, – пробормотала она.

– Знаешь что, я думаю, приключений и испытаний нам достаточно. Надо быть благоразумными, сегодня же переселимся в отель. Наше время подходит к концу, и лишний риск нам ни к чему.

– Осталось же три дня, – вяло попробовала было посопротивиться Кася.

– За три дня много чего может случиться, – резонно возразил Кирилл.

– Я не хочу удаляться от Олеси.

– Ты и не удалишься, днем будем возвращаться сюда, а ночь проводить в городе. Ты же сама говорила, что робинзонада тебе не по вкусу. Недалеко от вокзала есть вполне приличная гостиница. Снимем номер и хоть немного отвлечемся. После всего, что произошло, нам это необходимо.

Перед глазами Каси встало то, что осталось от Волынского, и она подумала, что Кирилл прав. В конце концов, где-то бродило чудовище в человеческом облике. И кому, как не Касе, было знать, что им мог быть любой! И кто знал, остановится он на этом или нет?! Нет, гораздо предусмотрительнее было переехать в город. Палатка была слабой защитой, и одним в лесу оставаться было небезопасно.

– Хорошо, ты прав, переедем.

– Сейчас же звоню Игорю, незачем ждать у моря погоды.

– Я хотела бы сходить к Стрельцовым.

– Заедем вместе с Игорем, – постановил Кирилл.

* * *

Игорь оказался удивительно оперативным.

– Молодцы, что решили в отель переехать. Я уж подумывал вас ко мне пригласить, а то в городе только об убийстве археолога и говорят.

– То, что это Волынский, может окончательно сказать только экспертиза, – возразил ему Кирилл, – хотя, конечно, все указывает, к сожалению, на Сергея.

– Дурдом какой-то! Городок у нас тихий, никакой подобной чертовщины никогда не водилось. А тут паника, натурально, началась. В магазинах, на базаре, на улице все только и говорят про таинственного поджигателя. Даже легенды времен эпидемии чумы вспомнили.

– Что за легенды? – заинтересовалась Кася.

– Да, чушь всякая. Знаешь, у нас своих просветленных хватает, а чем глуше, тем дури больше, – произнес он, помогая Кириллу закидывать рюкзаки в багажник джипа, – кстати, к Стрельцовым заехать не получится, я по дороге сюда старика Стрельцова с девочкой видел. Они на озеро ушли, за сетями. Если хочешь, завтра вас сюда подкину.

– Договорились, – произнесла Кася, устраиваясь на сиденье рядом с водителем, а когда Игорь завел мотор и стал осторожно выбираться на проселочную дорогу, спросила: – А что все-таки за легенда такая?

– Ну, если хочешь, расскажу. Подробностей не знаю, но если вкратце, то в старину чуму в наш город принес какой-то чужестранец. Мол, пришел он в город с какими-то невиданными сокровищами: то ли с сундуком, полным драгоценностей, то ли еще с какой-то хренью, сказать не могу. Но, мол, богатства были от самого дьявола, и от них пошла на город черная смерть, и никому от нее спасения не было. И сила этого наказания была настолько велика, что даже земля вокруг стала проклятой. Поэтому люди и не стали спасать свой город, а бросили все и, кто выжил, ушли. А новый город построили на месте современного Белозерска.

– Но при чем тут поджигатель? – удивилась Кася.

– А при том, что только огонь мог очистить и спасти от этого наказания. Поэтому один из жителей, когда понял, что все из-за сокровища дьявольского этого, то сундук в глубокую яму опустил, а город поджег. Это по одной версии, а по другой – этот чужеземец сам огненным столбом в небо поднялся, а город сжег.

– Да, логика, конечно, немного странная... – протянула Кася.

– Про какую логику ты говоришь! – усмехнулся Игорь. – Нашим сплетницам тезисы с антитезисами и синтезом ни к чему, они и без них распрекрасно тень на плетень наводят. Поэтому, когда археологи приехали место старого города искать, наши бабки всполошились: мол, они не город ищут, а проклятое сокровище, а от него только несчастья будут. Ну а теперь, мол, археолог допрыгался, и на него снизошла кара небесная, – и, посмотрев на несколько обалдевшую от подобных умозаключений Касю, добавил: – Ты сама попросила, вот я и рассказал.

– Да, нарочно не придумалась, – протянула Кася, – чужеземец, загадочное сокровище, кара небесная. Вспомни, как Переверзев что-то подобное около костра болтал!

– Помню, – подтвердил Кирилл, – не мешало бы нам с тобой на досуге просмотреть мою запись. Хотя видео получилось и не очень четким, но голос слышен очень даже хорошо.

– Ты думаешь, во всем том, что рассказывал Переверзев, есть доля истины?

– Вполне возможно...

Кася недоверчиво хмыкнула.

– Не гляди на все это свысока. Информация на то и информация, чтобы отделять зерна от плевел.

– И каким же образом ты собираешься отделять в этом бреде зерна от плевел? – поинтересовалась Кася.

– Начнем с того, что этой легенде есть вполне логическое объяснение: чужеземцев в XIV веке (в 1352 году), когда до Белозерска добралась эпидемия чумы, если я не ошибаюсь, было предостаточно. И сундуков с сокровищами – тоже. Через город проходил один из важ-

нейших ганзейских торговых путей, и в самом городе был крупный ганзейский двор, ты же сама мне об этом рассказывала. Так что вполне возможно, что купцы и принесли чуму в город. В это время она бушевала и в Новгороде, и в Пскове.

– Может, думали, что укроются, хотя, в принципе, и Новгород, и Псков были оцеплены, но Ганза всегда была государством в государстве, – добавила Кася.

– Возможно, так и случилось: ганзейцы выбрались из Новгорода и думали, что укроются в Белозерске, но принесли с собой чуму, – согласился с ней Кирилл.

– Тогда почему старый Белозерск дотла сгорел? Ведь ни Новгород, ни Псков на новое место не перенесли? – задал резонный вопрос Игорь. – Вы как хотите, но я думаю, что в этой легенде что-то есть...

– Все может быть, – решила не раздражать водителя Кася.

– Странно это все, странно. Только ничто не объясняет, как и почему погиб Сергей, – с неожиданной горечью пробормотал Кирилл, – не убил же его кто-то из ваших просветленных, боясь нового проклятия.

– Кто его знает, – откликнулся Игорь, – городок у нас тихий, очень тихий... А в тихом омуте, сами знаете, всякое водится...

Машина выехала на шоссе и прибавила скорость. А из головы Каси никак не выходила только что услышанная легенда. Надо было бы расспросить Игоря поподробнее, про каких бабок он говорил. Чем дальше думала, тем больше ассоциаций, новых и неожиданных, появлялось в ее голове. Она вспоминала слова Кристофера Ланга: Волынский думал, что стоит на пороге невероятного научного открытия. Сергей был очень талантливым и честолюбивым, она уже это почувствовала. Сравнительно молодой археолог, а уже руководитель международной экспедиции. Может быть, Кирилл был прав, когда удивлялся выбору Белозерска? Ей тогда казалось все вполне нормальным: город древний, с трагической судьбой, стоял на перекрестке торговых путей, почему бы и нет. Но Волынский надеялся на важное открытие. Нахождение же еще одного древнего городища вряд ли могло относиться к числу подобных. Должно было быть нечто другое, более важное, привлекающее столичного археолога. И каким образом Крис Ланг ввязался во все это? Плюс уверенность, что канадец утаивал какую-то важную информацию. И у Каси появилась твердая уверенность, что с этой экспедицией на самом деле не все было чисто.

Она стала восстанавливать в голове последний разговор с Волынским. Говорили о Переверзеве, она это точно помнила. Она возмущалась, удивляясь, как они, серьезные ученые, могут всерьез воспринимать такого мошенника, как Переверзев. Вот тогда Волынский и сказал более чем странную фразу. Она напряглась, и в памяти послушно всплыло: «Степан и сам себе не представляет, чем обладает. Если бы знал, то бросил бы всю эту чушь...» «А что, если Переверзев на самом деле прекрасно представлял, какой информацией располагал?» – задала она себе резонный вопрос. А не с волхвом Святогором ли ходил встречаться Волынский? Во всяком случае, крайне неприятный тролль Переверзев вполне подходил на роль убийцы... Вспомнила и то, как в последний вечер Волынский оборвал Переверзева, и тот практически пригрозил археологу.

Игорь довез их до центральной гостиницы городка, где они без проблем сняли номер. И как только расположились в комнате, Кася сразу же поделилась своими соображениями с Кириллом. Тот выслушал внимательно, не прерывая.

– Версия вполне правдоподобная, дело осталось за мотивом.

– Волынский был уверен, что Переверзев обладает чрезвычайно важной информацией.

– Какой?

– Если бы я знала!

– Я бы мог сказать, что с этого и следовало начать. Но, в конце концов, к нам с тобой эта история никакого отношения не имеет.

– Не уверена, – задумчиво произнесла Кася. Почему-то именно в этот момент у нее возникло странное предчувствие, что на этом новости сегодняшнего дня не закончатся. И продолжение будет иметь к ним самое непосредственное отношение.

– А может, он и на самом деле реально существовал? – перескочила она на другое.

– Кто?

– Чужеземец, – коротко ответила она.

– Какой еще чужеземец? – встревоженно посмотрел на нее Кирилл. Может быть, испугался, что его любимая от всего увиденного сегодня стала заговариваться?

– С сундуками, набитыми сокровищами. Тот, который согласно легенде принес сюда чуму... А если Переверзев, знавший как свои пять пальцев все окрестности Белозерска, нашел какую-то информацию об этих сокровищах?! Я понимаю, звучит немного глупо, но, поразмыслив, почему бы и нет? Откуда-то же взялась эта легенда? Ты сам только что в машине давал ей вполне логическое объяснение с ганзейскими купцами и так далее и тому подобное?

– Это я помню, только не забывай, что старый город сгорел.

– Сгореть-то сгорел, а сокровища наверняка были спрятаны и вполне могли сохраниться, – продолжала упорствовать Кася.

– Йох-хо-хо и бутылка рома! И с одноногим Сильвером в придачу!

– Не издевайся, «Остров сокровищ» здесь ни при чем. Просто тогда становятся понятными и эта экспедиция, и загадки Волынского, и, самое главное, почему его убили...

– А учитывая то, как его убили, может вполне статься, что у сокровища есть хранители, или что оно проклятое... – дополнил Кирилл ее догадки, – а теперь, пожалуйста, давай остановимся на этом. Через два дня мы уезжаем. Меня ждет работа, тебя – ее поиски. Давай постараемся оставаться в нашей реальной жизни...

* * *

Авиньон, 20 апреля 1321 года.

Подземный ход окончился крутой винтовой лестницей. Поднимаясь по ней, Клаас уже был уверен, что его ведут на встречу с одним из папских министров. Поэтому не удивился, когда, покругив по узкому коридору, Бартоломео завел его в небольшие, но роскошные покои. Одного только взгляда на украшенные синей с позолотой росписью стены и изящную мебель было достаточно, чтобы оценить богатство его обитателя.

– Жди здесь, – приказал Бартоломео и скрылся за боковой дверью покоев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.